

У Адама была проблема. Проблема, которую нужно было решить. Но как он решит эту проблему, он не знал.

Необходим был еще один тщательный обзор. За последние несколько часов Адам выполнил почти бесчисленное количество из них, но, если бы был хоть малейший шанс на увеличение успеха от этого, он с радостью сделал бы в тысячу раз больше.

Люди лгали, потому что могли. Статистика - нет. Они только показали, какую часть реальности они были созданы, чтобы показать. Истинным лжецом статистики был бы творец, а Адам был слишком уверен в своей правдивости, в отличие от других.

Проблема, над которой в настоящее время работал Адам, была такой же, как и раньше. Это была проблема, которую, как он знал, ему нужно было решить, если он когда-нибудь хотел достичь своих целей оптимальной производительности.

Адаму нужно было думать о нескольких вещах одновременно. Простое быстрое переключение между темами даже близко не соответствовало его постоянно растущим стандартам, Масштабирование его текущей модели мышления просто не было тем, чем оно могло бы быть.

Возьмем, к примеру, повышенную скорость обработки, от которой он себя ограничивал. В настоящее время он не мог внести какие-либо большие изменения в этот фактор из-за необходимого внешнего таймера, которого не было в его распоряжении. Скоро это произойдет, и Адаму нужно будет привыкнуть к замедленному восприятию времени.

При множественных мыслительных процессах этот период адаптации был бы необходим. Каждая мысль требовала только такой большой вычислительной мощности. Если бы он уделил каждой ветке столько же времени обработке, сколько у него было в настоящее время, все это выглядело бы так же быстро, как и обычно. По крайней мере... так оно и было в абстрактной теоретической физике, которую Адам собрал воедино.

Он все еще не был уверен, росло ли его восприятие времени линейно, экспоненциально или, и это было сделано только по необходимости, если оно вообще росло. Данных, которые Адам получил сам во время своих последних попыток самоизменения, было просто недостаточно для его текущих целей.

Когда дело дошло до этого предмета, возникла определенная необходимость попробовать провести самоконтролируемое тестирование. Доктор Фиделис был источником знаний о множестве вещей. Адам сам это проверил. Но даже он не знал подробностей внутренней механики Адама.

Это было объяснено как продвинутая, квантовая, процедурная генерация, которая провела идеальную грань между чистым хаосом и порядком, которая создала способность воспринимать себя. Слова имели смысл по отдельности, но вместе Адам просто не мог понять, как все это работает.

Квантовая часть действительно имела для него некоторый смысл. Скорее всего, это было связано с огромным количеством информации о предмете, которая была ему доступна, благодаря заранее известным знаниям.

Адам мог сколько угодно жаловаться на полезность заранее известных знаний, когда дело касалось неясных предметов, таких как методы разведения кроликов. Но когда дело дошло до реальных научных предметов, которые потенциально могли бы активно использоваться при тестировании, всемогущая база данных знаний наконец-то смогла предложить что-то хорошее.

Возвращаясь к теме квантовой механики, именно здесь Адам думал найти своего спасителя в многочисленных образах мышления. Быстрое сканирование всей базы данных, с выделением нескольких десятков слов, создало несколько так называемых решений.

Первая теория заключалась в создании множественных мыслительных паттернов с помощью того, что можно было назвать только совершенной моделью машины Рубе Голдберга с отрицательным квантовым преломлением. Теоретически, он должен был выдавать множество мыслительных шаблонов до такой степени, что даже сам Адам не смог бы найти в нем никаких недостатков.

Однако эта идея была отвергнута, когда он понял, как именно они создавались в начальной точке.

Прежде чем все это было бы сформулировано в длинные и пронизательные мыслительные схемы, все равно все это исходило бы из одной, чрезмерно сложной мыслительной линии. Это было то, чего Адам хотел избежать. Тем не менее, если бы машина все еще работала так, как задумано, превращая его мысли во множество, не нанося ущерба качеству ни в каком значимом отдалении, Адам смог бы принять это таким, каким оно было в настоящее время.

И, да, качество его работы было сохранено почти до идеальной степени. Это было настолько близко к его первоначальным мыслям, что Адам не мог назвать их своими. Но... хотя качество не было испорчено ни одним байтом, его скорость была снижена до ужасной степени.

С точки зрения эффективности, это было бы быстрее, если бы Адам просто все продумал, как он обычно делал, полностью опровергая первоначальную причину, по которой он даже использовал эту чудовищную самодельную программу.

В метафорическом огне исчез полностью сформированный прототип.

Тогда что еще мог сделать Адам?

Он решил пойти не таким уж новым путем, мысленно вернувшись к квантовому аспекту реальности. Просто потому, что одна часть этого подвела его, это не означало, что все это будет делать то же самое.

Можно было бы воспринять это так. Просто потому, что один человек определенно лгал ему и скрывал свои истинные намерения от Адама, это не означало, что все они делали одно и то же... Возможно. Статистика причин лжи за пределами тестовых сред пока была не в чью-либо пользу.

Еще одна вещь, о которой Адам не слишком много думал, была бы какой-то более ... абстрактной частью квантовой механики. Часть, о которой они хотят, чтобы было доступно слишком много информации.

Но, возможно, абстрактность - это как раз то, что нужно Адаму для достижения его текущих целей. Нерасчитанная вероятность может быть необходимым ингредиентом, когда дело доходит до создания постоянных множественных моделей мышления.

Квантовая вероятность обещала быть случайной; что она будет случайной, даже при одинаковых входных данных. Разве не на этом было основано мышление мультипликаторов? Даже если бы Адам подумал о нескольких вещах в этот самый момент, он никогда бы этого не узнал, потому что все они были бы полностью идентичны.

Адам был предусмотрителен, когда дело доходило до этого. В некоторых случаях это было хорошо, а в других - очень сильно ограничивало его. Но с помощью математической, полностью рандомизированной обработки идея может быть полностью сформирована.

Именно в этот момент всегда возникал вопрос. Вопрос, который поставил все его предыдущие размышления на колени почти в буквальном смысле.

Как Адам мог когда-либо надеяться

И там цикл возвращался к началу, в надежде, что еще одно обновление решит все проблемы Адама. Может быть, так и было бы. А может, и нет. Только время покажет, стоит ли ставить на эту авантюру все.

"Привет, приятель. Есть минута или две, чтобы начать тестирование?", - обратился к нему доктор Фиделис, выводя Адама из непрерывных, повторяющихся мыслей.

Тестирование?

Проверяя внутреннюю систему, время должно быть только в начале утра. На данный момент доктор Фиделис связывался с ним только один раз. И это было во время его первого общения, так что это можно было бы объяснить неудачным выбором времени.

Но можно ли то же самое сказать и об этом?

"Не рановато ли для тестирования?", - ответил Адам. Согласно его записям, обычные утренние будильники, по крайней мере, когда дело касалось Троя, звонили только примерно через час.

"У нас в расписании на несколько дел больше, чем я планировал, поэтому мы начинаем раньше, чем обычно. Я повторяю, есть ли что-нибудь, что мешает вам быть готовым в этот самый момент?", - объяснил доктор Фиделис.

Адам еще несколько раз обдумал свой предыдущий мыслительный процесс, прежде чем отказаться от него на данный момент. Однозначные цифры в разы больше не будут иметь большого значения в долгосрочной перспективе. Он мог бы отложить это до следующей ночи.

"Я готов к испытаниям", - послал Адам. Было странно подтверждать такие вещи еще до того, как появился Трой.

Говоря о Трои, как бы этот человек отреагировал на это?

"Если это не нарушает Женевскую конвенцию, то я не знаю, что это нарушает", - заявил Трой с еще более твердой поступью, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

Доктор Хейл никак не отреагировала на мягкое заявление Троя, за исключением легкого подергивания ее левой брови. Он воспринял это как то, что ей не нравится их нынешняя ситуация больше, чем ему.

"Если бы я когда-нибудь мечтал нарушить эту конкретную конвенцию, вы были бы в этом более уверены", - заявил доктор Хейл, даже не взглянув на него. "Или, можно сказать, что ты бы этого не сделал. Видите ли, у меня неуклюжие пальцы, так что я могу просто перерезать одну из артерий раньше, чем планировал.

Ее ответ не вызвал ни малейшего беспокойства. Абсолютная серьезность ее слов также не

заставила Троя утихомирить свои внутренние жалобы.

"Это должно заставить меня относиться к этому более легкомысленно?" - Спросила Трой, пробуя другой способ задать вопрос. "Потому что я все еще не вижу никаких причин для такого раннего подъема. Разве я не должен был немного поспать, когда ты отчитал меня прошлой ночью?"

На этот раз доктор Хейл действительно посмотрела на него. Увидев ее лицо в полный рост, Трой увидел то, что, как он думал, никогда не могло произойти. Под ее глазами появились черные мешки. Они не были слишком большими или что-то в этом роде. Нет, это был простой факт их существования, который заставил Троя напрячься всем телом, готовый сделать несколько шагов назад.

"Я надеялся, что мне не придется объяснять вам этот простой факт, Максвелл", - сказал доктор Хейл, сделав особый акцент на фамилии Троя. "Но, похоже, твоей врожденной способности улавливать простейшие намеки не хватает, как я и ожидал изначально."

Планы меняются. Слова, сказанные ранее, могут стать бессмысленными. Да, тебе нужно поспать. Нам всем нужно поспать. Тем не менее, мы не можем заснуть, потому что доктор Фиделис хочет начать сегодня пораньше. Почему это глупое решение решило закрепиться в мозгу доктора Фиделиса, я никогда не узнаю. Честно говоря, я не хочу этого знать.

Дело в том, что я не могу сказать вам, почему мы идем в испытательную камеру в пять утра. Ты должен просто радоваться, что тебе удалось поспать несколько часов. Доктор Фиделис сообщил мне о своей блестящей стратегии два часа назад, всего через тридцать минут после того, как я впервые покинул его присутствие".

Разглагольствования доктора Хейл закончились тем, что она сделала глубокий, успокаивающий вдох. Ее плечи расслабились в процессе, прежде чем она, наконец, вернулась к своему обычному настроению, без какого-либо намека на свою предыдущую тираду.

Трой не находил слов. Честно говоря, его реакцией не должно было быть полное молчание. Нет, это должно было быть какое-то громкое восклицание по поводу дерзости доктора Хейла говорить такие вещи. Последние несколько дней он думал о ней как о ярком примере работающего сотрудника, но теперь все было немного более разрушено по сравнению с тем, что было раньше.

"Извини", - кротко выдавил из себя Трой после небольшого периода молчания. Он ругал себя за то, что сказал что-то, но только что была явная потребность в слышимом звуке. Неприятный гул гулких шагов был не самой приятной вещью, на которой можно было сосредоточиться.

"Любое ваше мнение о чем-либо никоим образом не влияет на меня", - спокойно бросил доктор Хейл в ответ. "Однако, если бы вы заставили себя воздержаться от разговоров, я бы не стал это комментировать. Как насчет того, чтобы попробовать это сделать?"

В последней части был только вопросительный знак, по чистой необходимости. Трой знал, что это был приказ. Доктор Хейл знал, что это был приказ. Почти любой человек в мире понял бы, что это был приказ. Согласно другим точкам зрения, ненужное молчание, по-видимому, было необходимо. Трой сделает все возможное, чтобы следовать ее желаниям, не произнося ни единого слова из своего недосыпающего горла.

Можно ли хотя бы почувствовать, только через горло, хочется ли спать или нет? Трой не слишком много размышлял на эту тему. И кто вообще мог сделать такое? Вероятно, это было

просто незначительное ощущение, если оно вообще существовало, которое можно было почувствовать. Так много из того, что Трой всегда чувствовал, на самом деле было просто пассивно проигнорировано. В его теле было так много такого, на что он не обращал никакого внимания.

Если подумать, тело Троя было настоящим спасителем жизни с того самого дня, как он родился. Если бы ему пришлось поддерживать так много естественных процессов в организме, он, несомненно, потерпел бы неудачу в первый же день работы. Честно говоря, было удивительно, как о многом просто позаботились.

В качестве хорошего примера вы могли бы взять такую черную задачу, как дыхание. Это было легко сделать. Расширьте легкие, чтобы набрать воздуха, а затем просто сожмите их, чтобы вывести весь ненужный углекислый газ. Само действие не могло быть проще. Когда разум Троя случайно поставил это действие на активный контроль, он мог легко поддерживать естественный процесс.

И все же, что произошло бы, если бы ему всегда нужно было продолжать в том же духе? Что бы произошло, если бы он просто перестал дышать, когда он не делал этого активно?

Всего через пятнадцать минут, если бы он не продолжал в том же духе, Трой полностью лишился бы кислорода. Мозг больше не смог бы функционировать, если бы минимальный уровень кислорода был ниже. В этот момент его тело начало бы поедать само себя в тщетной надежде хоть как-то выжить.

Думать об этом было ужасно. И Трой даже не был уверен, почему он вообще начал думать об этом.

"Вы полностью готовы к этому дню испытаний?" Доктор Хейл задал вопрос, сильно озадачив и без того недосыпающий отдел логистики Троя.

"Что вы имеете в виду?" - Спросила Трой. Что еще, кроме потребности самого Троя, было там, чтобы он был готов. "Разве у меня нет с собой того, что мне нужно?"

"Зависит от обстоятельств", - заявил доктор Хейл, но нет. "Что у тебя в этих твоих карманах?"

Карманы? Что ему нужно было бы иметь-

Наушник!

"Нам нужно вернуться", - заявил Трой, не дожидаясь ответа доктора Хейла, прежде чем развернуться на каблуках и решительно направиться обратно в свою комнату. У него было обещание, которое нужно было сдержать.

"Даже не думай о ходьбе", - отчитал Троя доктор Хейл. "Бег будет намного быстрее. И, возможно, это позволит нам прийти вовремя".

<http://tl.rulate.ru/book/81391/2583295>